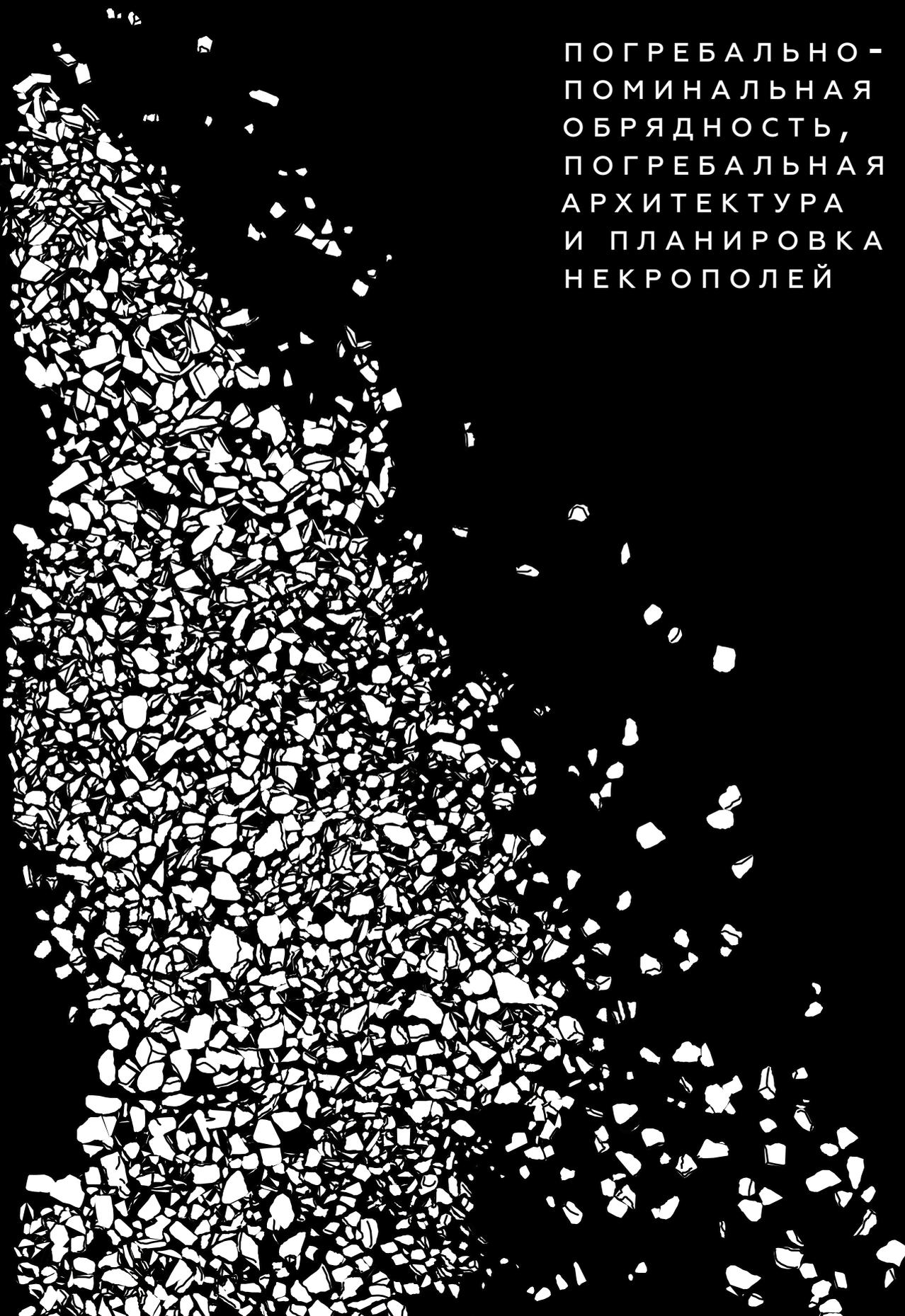

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Э. Б. Вадецкая

ОТРАЖЕНИЕ В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГИЛАХ ЕНИСЕЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ ИНДИВИДА И ВОЗРОЖДЕНИИ СОЦИУМА

В статье обосновываются причины коллективных могил, содержащих останки людей, умерших в разное время, но захороненных одновременно. Приводятся примеры коллективных могил разных эпох Присаянья и их обоснование. Особое внимание уделено характеристике разных типов мумий-кукол в тагарскую эпоху, а также отличиям изображений лиц «живых» покойников и тех, кого признавали мертвыми.

Ключевые слова: коллективные могилы, временные погребения, черепа, мумии, куклы, маски, глиняные обмазки, мировоззрение, окуневская культура, тагарская культура, таптыгские могилы.

Погребальная обрядность древнего населения зависела от множества факторов, среди которых основными были природные условия проживания, возможность строительства погребальных сооружений и проведения различных ритуалов, связанных с переходом мертвых в загробный мир и существующих по этому поводу представлений, то есть мировоззрения. Все сказанное объясняет как сходство, так и разнообразие похоронных ритуалов даже на одной и той же территории, в частности, на Среднем Енисее (Присаянье или Минусинские котловины), погребения которых положены в основу данной статьи.

Для территории, где основными археологическими источниками о древнем населении являются могилы, практически во всех их публикациях осуществляются попытки семантики конструкции погребений, поз покойников, отдельных похоронных ритуалов и даже вещей. В последние годы самые неожиданные открытия связаны с так называемыми «коллективными могилами», где похоронены одновременно люди, умершие в разные сроки.

Природные условия не позволяли зимой выкапывать в промерзшей земле ямы, а наземные могилы не практиковались у местного населения. Правда, среди могил двух археологических культур (андроновской и карасукской) встречаются на поверхности земли ящики, сложенные из плиток, которые некоторые ученые считают зимними могилами (*Максименков, 1978. С. 73; Вадецкая, 1986. С. 53*). Однако эти «цисты» малочисленны, расположены практически только в северных районах, поэтому в качестве зимних могил у некоторых других исследователей вызывают сомнение (*Грязнов и др., 2010. С. 46–47*)

Между тем, каменные ящики на поверхности земли могли быть предназначены для временных захоронений. Они разнообразны. Иногда мертвых клали в ямках, выкопанных в почве на глубину 20–30 см, прятали под камни развалившихся погребальных насыпей, клали прямо на земле поверх настилов, а чаще всего для них использовали погребальные ящики предыдущих поколений, которые частично были видны на поверхности земли. Чтобы отделить временные захоронения от окончательных, требуется либо специальный анализ, либо случайность. Так, оба обстоятельства соединились, когда в одной могиле афанасьевской культуры были кости людей, обгрызенные волком, а в другой среди человеческих костей оказались кости медведя (*Грязнов, 1999. С. 32, 40; Вадецкая, 2014. С. 301, 302*). Здесь нет сомнения о том, что те и другие были перезахоронены откуда-то. Это дало стимул изучению коллективных могил афанасьевской культуры, где одновременно уложены трупы, их части и кучки костей скелетов. Теперь для их характеристики определены следующие особенности (рис. 1, 1). В них останки людей и вещи размещаются на двух противоположных сторонах ямы. Судя по положению костей в кучках, они были плотно упакованы, и среди них многие мелкие кости отсутствуют. Черепа вторично погребенных людей либо отсутствуют, либо лежат отдельно, поскольку голову при временном захоронении особенно берегли: отделяли от тела и, предположительно, как-то консервировали, например, высушивали (*Вадецкая, 1980. Рис. 1, 2; 2014. С. 302*).

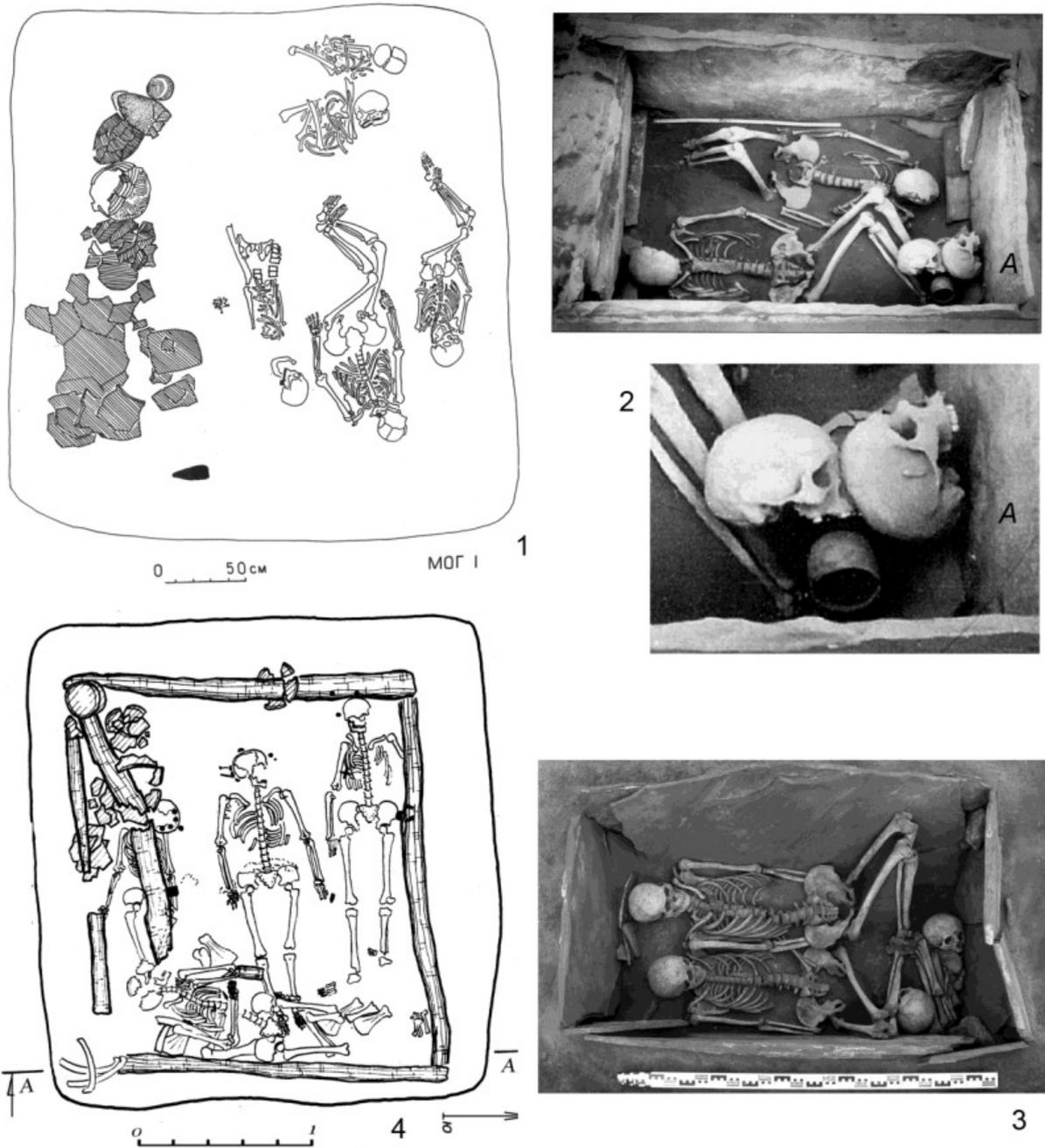

Рис. 1. Коллективные могилы: 1 — Карасук III, ограда № 2, могила № 1; 2 — Лебяжье, могила № 3; 3 — Итколь I, курган № 3, могила № 6; 4 — Лшпыл, курган № 8, могила № 3

Такие же операции с головами покойников совершали племена окуневской культуры, у которых у первых к тому же зафиксирована посмертная трепанация головы. О наличии временных захоронений окуневцев свидетельствуют их могилы, в которых зарыты груды черепов без костей скелетов, либо черепа подложены к трупам при захоронении последних (рис. 1, 2). Поскольку подложены черепа без нижней челюсти, то есть после разложения связок, этот обычай объяснялся культом головы или черепа (Вадецкая, 1980. Рис. 3–5). Но в 2007 г. в одной могиле обнаружено парное погребение, в которой поверх стоп женщины положен не только череп мужчины без нижней челюсти, но и целый череп подростка 13–14 лет с крупными костями (рис. 1, 3). Они сложены стопкой, в которой отсутствовали мелкие кости: позвонки, ребра, фаланги рук, стоп и т. д. По мнению авторов раскопки, кости находились в мешке (Лазаретов и др., 2017). Таким образом, расположение черепа подростка и состав костей в упаковке очень напоминает перенесенных покойников в афанасьевской могиле (Вадецкая, 2014. С. 303,

рис. 192, 1, 2). Очевидно, они были перенесены из временной могилы. Наличие последних подтверждают наблюдения еще двух могил раскопок последних лет. В одном ящике (Итколь II, курган № 21, могила № 7) вместе с целым скелетом женщины захоронены два женских черепа разной сохранности, как с нижней челюстью, так и без нее. Во втором ящике (Итколь I, курган № 1, могила № 3) костей скелета не было, но сохранились на местах вещи. Возможно, это было временное захоронение, из которого извлечен труп для окончательного перезахоронения (*Лазаретов и др.*, 2017).

В мировоззрении большинства народов родственники на том свете должны быть вместе. Это доказывается самим фактом существования древних родовых кладбищ, а иногда их планиграфией. Для совместных захоронений в одной могиле у населения должны были появиться навыки сохранения и реставрации мертвых тел, эксгумации, перезахоронения, сопровождавшихся специфическими стандартными ритуалами, что явилось бы одной из причин опознавания коллективных могил. К сожалению, общие признаки перезахоронения не выявлены.

Показательны могилы самой долгой культуры Енисея, тагарской, существовавшей в условных хронологических границах тысячу лет (VII в. до н. э. – III в. н. э.), где с IV–III вв. до н. э. преобладают коллективные могилы. Причем с каждым поколением по неизвестным причинам в могилах хоронят все большее количество людей (от пяти до десяти, несколько десятков и более ста) и, видимо, усложняются ритуалы, обеспечивающие переход на тот свет целым коллективам. Однако при их изучении постоянно дискутируется лишь вопрос, осуществлялось ли заполнение могилы мертвыми в один прием или в несколько. Аргументы и контраргументы одновременного или постепенного заполнения камер соответствуют времени каждого хронологического этапа культуры.

Среди сравнительно небольших камер (площадью 9–12 кв. м), содержавших пять–десять человек, встречаются такие, когда на дне ямы часть скелетов сдвинуты и на это место положены новые. Но таких могил очень мало. Причем размещение покойников, сосудов и кусков мяса строго регламентировано, а мест для следующих захоронений не оставлено. Значит, люди похоронены одновременно, но некоторые могли быть похоронены вторично. Отличаются вторичные погребения от первичных по отсутствию с ними вещей, наличию не всех костей скелетов, по неестественной позе. Показательна в этом отношении неграбленная могила (Ашпыл, курган № 8, могила № 3), в которой были уложены параллельно мужчина и две женщины, а поверх их стоп еще один мужчина (рис. 1, 4). Могила не была ограблена, но часть костей отсутствовала или находилась не на месте. У скелета кости левой ноги ниже колена отсутствовали, а позвоночник, руки и правая нога неестественно изогнуты: Левая рука лежит на левом плече, правая поперек живота, правая нога подогнута под себя, ее стопа под левым бедром. В отличие от других покойников ему не были поставлены ни сосуды, ни мясная пища, никаких вещей кроме ножа. Он, видимо, убит застрявшими в теле четырьмя костяными наконечниками стрел, которые остались в груди. Все в совокупности не оставляет сомнения в том, что труп был перенесен из другого места, где первоначально находился (*Вадецкая, Гультов*, 1986. С. 92–95).

В более поздних могилах, площадью 20–45 кв. м, условно датируемых III–II вв. до н. э., похоронены останки нескольких десятков человек. Одновременность погребения доказывается тем, что захоронены как полные, так и неполные трупы, даже одни головы или черепа. Поэтому в таких могилах черепов от скелетов больше, чем длинных костей. Это объясняет случаи, когда число покойников превышает размеры площади могильных ям. Например, в могиле площадью 12 кв. м похоронены 46 человек и 32 отдельных черепа, часто без нижней челюсти (*Курочкин*, 1988. С. 23). Нет сомнения, что люди не стали бы ради подхоронения головы или нескольких черепов открывать вход в камеры (которые не обнаружены) или разбирать массивные надмогильные сооружения. Вероятнее, вместе хоронили то, что оставалось от временных захоронений. Никакого пренебрежения частичным захоронениям не оказывалось. Напротив, иногда именно около отдельных черепов поставлено наибольшее число вещей (*Вадецкая*, 1980. С. 111).

Первая попытка реконструкции скелета обнаружена С. А. Теплоуховым, который был не только археологом, но, прежде всего, антропологом. В одной сильно разрушенной коллективной могиле (Афанасьева Гора, могила № 15) в нижней челюсти мужского скелета на месте выпавших обоих резцов,

в пустые альвеолы были крепко вставлены ложно коренные зубы (Грязнов, 1999. С. 16). О перезахоронении покойников свидетельствуют находящиеся здесь же отдельные кости косули, лисицы, бурундука. Принадлежность к афанасьевской культуре определяет черепок афанасьевского сосуда.

Спустя тысячелетия в курганах (II–I вв. до н. э. – II–III вв. н. э.) вновь обнаружены следы реконструкции мертвых людей. Эти курганы отличаются от предыдущих тагарских несколькими четкими признаками. Во-первых, они расположены поодиночке или на значительном расстоянии от других, поскольку каждый представляет собой отдельное родовое кладбище. Во-вторых, они наиболее крупные по погребальным камерам и надмогильным сооружениям. В-третьих, заполненные мертвыми камеры, согласно ритуалу, сжигали, благодаря чему и стало возможным распознавать детали реконструкции мертвых. Дело в том, что под рухнувшей крышей в сухом воздухе консервировались их органические остатки из скелетов, иногда с глиняными головами, травы, кожи, прутиков, бересты, с помощью которых можно попытаться моделировать реконструкции людей (Вадецкая, 2006; Вадецкая, Поселянин, 2011), которые я называю либо «енисейскими мумиями», либо тагарскими куклами, а не трупы или скелет.

В каждом родовом коллективе были свои особенности изготовления мумий-кукол с учетом локального сырья (глины, растительности) и навыков местных специалистов. Но общих стандартов больше. Скелеты укреплены палочками, черепа трепанированы и заполнены травой, кости обмотаны травой и обшивы. Однако обшивки разные. Отверстия в черепе вырезали как на одном, так и на двух висках. Черепа обтягивали травой или берестой, другие обмазывали глиной. Их крепили с позвоночником, протыкая прут сквозь позвоночник или прокладывая прутья с двух его сторон.

Курганы этого времени датируются либо по остаткам хуннских украшений, либо по импортным стеклянным бусам (Вадецкая, 1999. С. 131). Сопоставление условных могил с характером найденных в них мумий позволяет считать, что тип мумий-кукол был хронологическим признаком. Остатков мумий в могилах зафиксировано много, но среди них мало даже частично изученных. Поэтому выделенные мною типы мумий-кукол носят предварительный характер (Вадецкая, 2006).

Белоярские куклы. Самые ранние мумии-куклы были, видимо, в курганах II–I вв. до н. э., как содержащих по одной могиле в оградах, так и по две-три коллективные могилы. В более ранних из них (Толстый Мыс V, курган № 1, могила № 3; Медведка II, курган № 1, могила № 1) мумии определяются остатками берестяных обмоток шей и ног, наличием палочек для крепления костей скелетов, и берестяных кос (Курочкин, 1988. С. 2–22; Бокоренко, Красниченко, 1988. С. 25–35). В курганах с одиночными могилами (Степновка II, Сабинка III) у мумий трепанированы и заполнены растительной массой черепа, кости скелетов обмотаны жгутами травы и во что-то обернуты (Ефимов, Паульс, 1997. С. 67–69; Кузьмин, 1997. С. 113–114).

Детально мумии этого типа исследованы только в одиночном кургане Белый Яр VI, который по совокупности изделий датируется I в. до н. э. – I в. н. э. Способ изготовления около двухсот мумий взрослых людей и небольшого числа подростков был одинаков. Сквозь позвоночник, еще заполненным мозгом, протыкали прут. Верхний край входил в яремные отверстия черепа и крепился, видимо, на распорках. Нижняя часть прута крепилась на крестце, также на распорках. Бедрa, голени и руки прикреплялись к палочкам. Область груди и живота заполнялась смесью трав, сохранившихся слоем толщиной до 3–7 см. Кости рук, ног, включая кисти, стопы и шейные позвонки, а также ребра плотно обматывались жгутами из злаковых трав, часто со стеблями, и обшивались берестой. Для заполнения черепа травой вырезали одно отверстие: либо на затылке, либо на левом и реже на правом виске. Вырезанное отверстие затыкали куском бересты, реже дерева, а сам череп обматывали травой, предварительно забивая ее в носовой проход и глазницы. В нескольких местах травяную голову обвязывали прутьями и затем обшивали берестой. Предположительно, некоторые берестяные мумии раскрашивали в красный цвет, особенно лица, поскольку следы краски сохранились на переносице и в глазницах, либо на затылке или верхней челюсти. В куклу превращали скелетированный труп, у которого еще были сухожилия, связки, высохшие ткани в костных каналах. Это доказывается анатомическим порядком костей и прутиками, которые протыкались через отверстие в позвоночном стволе с мозгом (рис. 2, 1). А слуховые проходы черепа заполнены растительным гленом. Значит, они уже были расчищены насекомыми до эксгумации трупа.

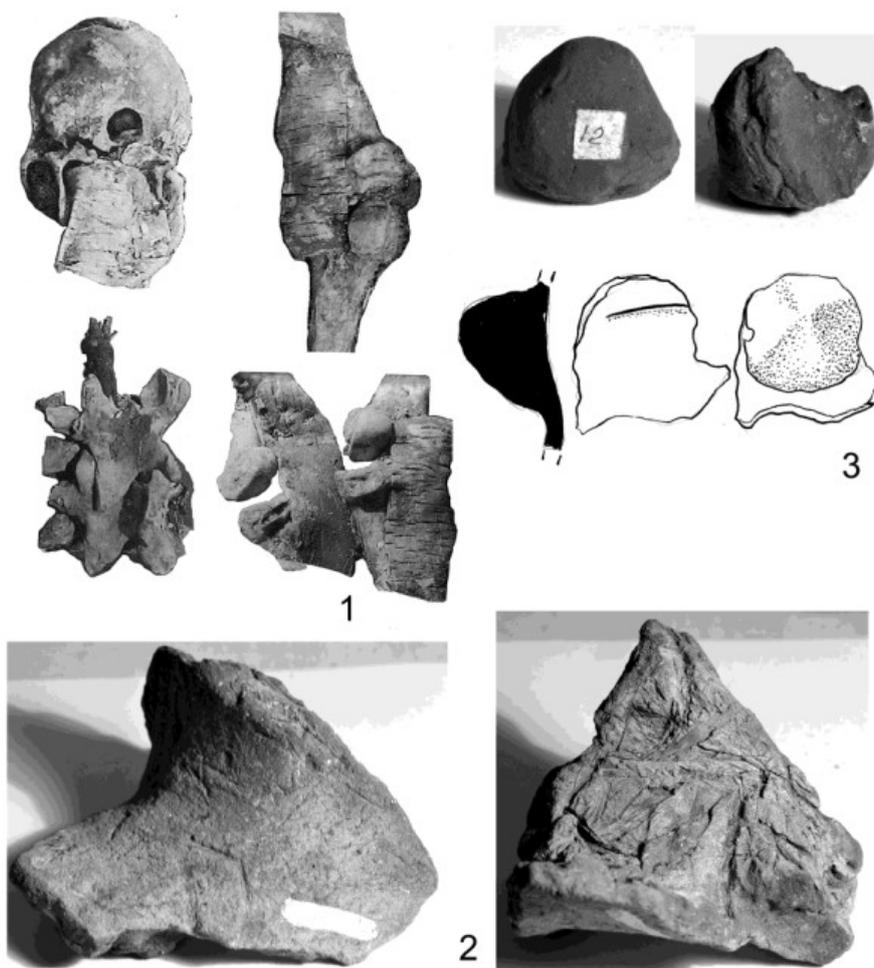

Рис. 2. Детали конструкций тагарских мумий: 1 — Белый Яр VI; 2, 3 — Тепсей XVI

За небольшими исключениями куклы-мумии изготовлены на месте, где сооружен курган. Привезенные для захоронения в нем покойники с других территорий единичные и различаются между собой по способу крепления черепа с позвоночником, заполнению черепа (войлоком, коноплей, глиной), по составу использованной травы (можжевельник, белый мох). *Иным словом, они сделаны в разных местах* (Вадецкая, 2006. С. 345; Вадецкая, *Поселянин*, 2011. С. 11–24).

Тепсейские куклы. К ним относятся куклы I–II вв. н. э. Они разнообразны, но для их конструкции всегда применялась глина разного качества, иногда плохо вымешанная. В одном кургане на скелетах сохранились обтяжки шей широкими полосами бересты, а на головах обмазки глины (Березовский курган № 21). Очевидно, куклы были берестяные, но с глиняными головами (Вадецкая, 1999. Рис. 68). Черепа из другого кургана (Черногорск) трепанированы, заполнены растительностью и обмазаны глиной. Возможно, первоначально мумии-куклы полностью были обмазаны слоем глины толщиной до 5 см, поскольку глина сохранилась на скелете, включая шею, грудь, по пояс и бедра, даже на кистях рук. Кроме глины, скелеты частично или полностью покрыты органикой бело-серого цвета, в которой визуальное предполагается либо войлок, либо береста. Видно, глина использовалась вместо травы, которой в других случаях обмотаны кости скелета. Среди костей мумий найдены палочки для скрепления костей. Глина использована серо-зеленая. Одна мумия, очевидно, привезенная с другого места, была обмазана красноватой глиной.

От всех черепов отличаются пять моделированных желтоватой глиной толщиной 1–1,5 см. Поверх глины на них вылеплены маски толщиной до 3–4 мм, выкрашенные в красный цвет (Вадецкая, *Протасов*, 2003. Рис. 1, 2). Они, очевидно, привезены с других мест и относятся к типу ниже изложенных берестяных кукол-мумий.

Очень грубые толстые обмазки черепов, шейных и грудных позвонков сохранились от мумий кургана Тепсей XVI. Сплошная обмазка глиной на одной мумии создавала грубое подобие человеческого лица, которое было окрашено охрой (*Вадецкая*, 2004. Рис. 1, 2). Глиняные обмазки тепсейских мумий стали доступны для подробного анализа как визуально, так с помощью химических методов. Определено, что толстым слоем стеблей травы обертывали кости скелета и череп, закрепляя траву ремешками и веревками. При горении склепа трава под глиной выгорала, поэтому куски глины, как правило, отделены от черепа. То и другое четко видно на внутренней стороне обмазок шей, а часто и груди (рис. 2, 2). В трепанационное отверстие черепа и глазницы вставляли куски глины разных форм (рис. 2, 3). Овальные толщиной в 1–2 см трепанационные отверстия с внутренней стороны имеют четкие следы травы и стеблей, которыми заполнены черепа. Один глаз по форме и размеру соответствует главному яблоку человека. Очевидно, кусочек глины был вставлен внутрь высохшего мешочка глазного яблока человека. Согласно химическому анализу, в отверстие черепа и рот вместо глины иногда вставляли кусок из суглинка или древесной золы с мелким песком. В глиняное тесто добавляли немножко травы или шерсти, а также известь для скрепления.

Несколько мумий были привезены из других мест, поскольку обмазка черепа была из серой и красной глины, а не коричневой, как местные. Кроме того, в серую обмазку был добавлен гипс, а не известь. Глина серого цвета с гипсом использовалась для ниже описанных берешских мумий, найденных в северной лесостепи (*Вадецкая*, 2004. С. 300–302).

Внешняя сторона тепсейских обмазок мумий передает изображение мертвых людей с закрытыми глиной глазами и сомкнутым ртом. Однако обмазки (отверстий черепа, глаз и шеи) имеют два слоя глины, верхние из которых лепили после высыхания нижних. Второй слой, очевидно, служил для превращения головы в имитацию мертвого человека. Доказательством этого являются отпавшие от глиняных глаз их верхние обмазки. А наглядным свидетельством — гипсовые покрытия глиняных голов поздних, лучше сохранившихся мумий.

Берешские куклы. Глиняные головы самых поздних мумий относятся к III–IV вв. Они хорошо вылеплены на черепе из лучшего, чем раньше, глиняного теста. Поэтому некоторые стали предметами изучения антропологов в конце XIX – начале XX в. (курганы Кызыл-Куль, Уйбат, Тесь). Вторая особенность этих голов, что они полностью облицованы тонкими слоями гипса, часто окрашенными. Эти несъемные облицовки, тем не менее, получили в литературе название «маски», и именно из-за них к этим скульптурам было привлечено большое внимание исследователей. В настоящее время они найдены в курганах как в степных (Барсучиха, Новые Мочаги), так и в лесостепных районах (Шестаково, Береш, Кадат).

Наиболее подробно исследованы черепа из кургана Новые Мочаги, которые не только сфотографированы и зарисованы, но для которых сделана серия разнообразных анализов: анатомических, судебно-медицинских, химических, ботанических. На этих материалах установлена процедура изготовления мумий. Сначала в местах временных захоронений людей происходило естественное разрушение мягких тканей в ходе гниения. Затем людей эксгумировали, и для изготовления мумии использовали скелет и остатки высохших тканей в естественных костных каналах черепа, связок, твердой мозговой оболочки головного и спинного мозга. Определена поэтапная конструкция глиняной головы по черепу. Заполняли глиной носовую полость и глазницы, внутри которых иногда вставляли голубовато-зеленые бусинки, имитирующие зрачки глаз. Позже глиной заполняли ротовую полость, в которую вставляли пруттик, соединяющий череп с позвоночником, и формировали глиной шею. Сохранившиеся позвонки обмазаны глиной (*Вадецкая, Протасов*, 2003. С. 41–44). Кости рук и ног обертывали травой, поэтому ее слой, толщиной до 1–1,5 см, лежал еще при раскопках под костями и поверх них. Практически все черепа трепанированы, и мозговая полость заполнена смесью из тростника, ивы, березы, травы со злаками. Обмазка глиной черепов толщиной всего в 1–1,5 см плотно примыкает к поверхности костей черепа. Глина в основном бежевого цвета с серым или розовым оттенками. Единичные обмазки из красно-коричневой глины, видимо, взяты из другого месторождения. В глиняное тесто добавляли траву, шерсть и известь.

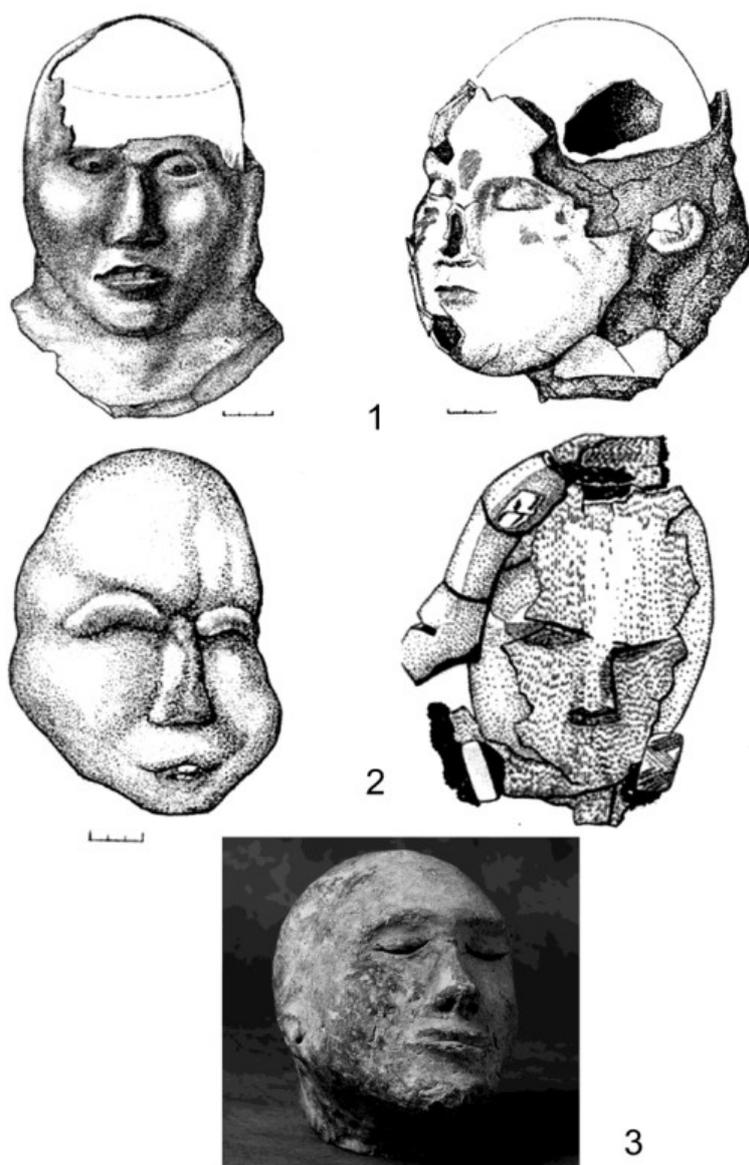

Рис. 3. Глиняные головы тагарских мумий: 1 — Новые Мочаги; 2 — Береш, курган № 2; 3 — Шестаково, курган № 6

На глиняных головах как живые вылеплены лица людей. Изображены прямые носы, скулы, выпуклости глаз с черточкой-ресницами, но самое выразительное это изгибы губ с видной полоской зубов (рис. 3, 1). Однако поверх глины головы облицованы несколькими слоями гипса общей толщиной 2–4 см. Гипс закрывает глаза и рот, превращает живое лицо в мертвое. За двумя изображениями лиц скрываются два ритуала, отражающие представления тагарского населения сначала как о живом покойнике, затем как о мертвом. Главными источниками этого утверждения являются отпечатки с тыльной стороны гипсовых обмазок. Согласно им, глиняную голову обшивали кожей или тканью, предварительно сшивая их из мелких кусочков, и окрашивали. На глаз и рот глиняного лица клали кусочки кожи или ткани. Их обмазывали гипсом, а поверх всей глиняной головы лепили гипсовую (Вадецкая, Гавриленко, 2006. С. 57–62). Но этого было недостаточно, чтобы хоронить покойника. Мумии накапливали, иногда настолько долго, что им дважды на лице обновляли роспись.

Вынужденную длительность коллективного захоронения подтверждает находка глиняной головы в одном из курганов у с. Шестаково. Скульптура лежала вместе с другими головами от нескольких мумий. Но в отличие от них, не была облицована гипсом, чтобы выглядеть мертвой, а сама изображала мертвое лицо с закрытыми глазами и сомкнутыми губами (рис. 3, 3). Она, видимо, ранее соединялась с шейей скелетированного трупа двумя стержнями, проложенными с двух сторон позвоночника. Отпечатки этих

стержней видны на внутренней стенке длинной шеи головы. Главное, что вышеописанная голова вылеплена на черепе барана. Очевидно череп человека к моменту реконструкции тела не сохранился (Вадецкая, 2004. С. 308, рис. 2, 4). Эта находка, а также неоднократное обновление росписи одних и тех же масок до их погребения являются ярким доказательством одноразового коллективного их захоронения.

Мочагинские мумии являются наиболее полными источниками для мировоззрения тагарцев. Однако я называю их тип «берешским», по мумии, дающей представление не только о головах мумий, а об их одежде и прическах. Мумия-кукла (с. Береш) много раз публиковалась, поэтому ограничусь основными сведениями. Скелеты были заполнены и обернуты травой, обшитой кожей. Позвоночники скреплены с черепами прутьями, проложенными с двух сторон позвоночника. На глиняном лице одной мумии вылеплены крупные брови и нос. У нее приоткрыт рот, где видны верхние части зубов (рис. 3, 2). Голова обшита кожей, в которой прорезаны глаза и к которой пришит нос. Кожаное лицо имеет следы гипсовой расписной маски. Мумия была в одеждах (две рубахи, две меховые шубы, нагрудник) и в глиняном головном уборе с подлинной косичкой (Вадецкая, 1995. С. 106–108; 1999. С. 146, рис. 74; 2004. С. 308, рис. 2, 3).

Современники поздних тагарцев (III–IV вв.) и их потомки, таптыкцы (V–VII вв.), разделяли мировоззрение, согласно которому истинная смерть человека наступала позже ее физического проявления.

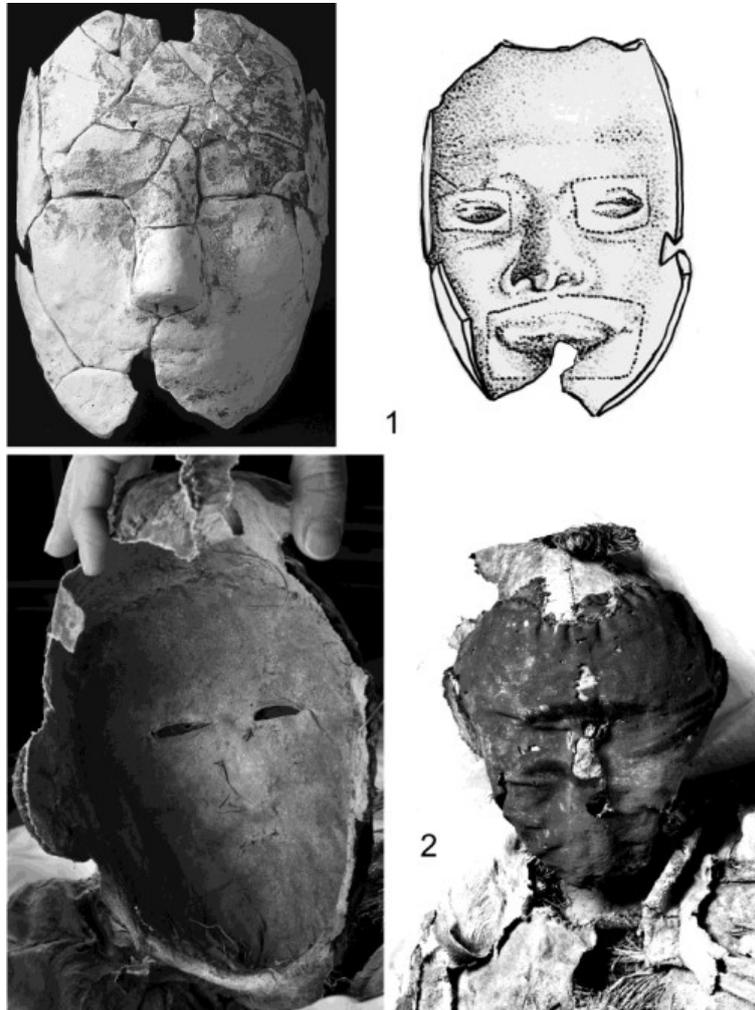

Рис. 4. Маски таптыкских грунтовых могильников: 1 — Терский, могила № 5 (гипс); 2 — Оглахты, 1969 г., могила № 4 (шелк)

Сказанное отражено в таптыкских грунтовых могильниках (II–IV вв.), где лица покойников и их изображений закрывали кусками ткани, по-разному имитирующих «живого и мертвого» человека. Так перед тем, как лепить на лице гипсовую маску мертвого человека, лицо всегда закрывали тканью или тонкой кожей (Вадецкая, 2009. С. 121, рис. 105, 106). А под ней на глаза и рот клали аккуратные кусочки

ткани с прорезями для глаз и рта (рис. 4, 1). Изображения покойников — куклы — на этих кладбищах были спиты из овчины и набиты травой. В них помещали пепел кремированного трупа. Лицевые покрывала и гипсовые маски для лиц кукол долго не были стандартными. Самые простые (Оглахты 1969, могила № 4) в виде двух лицевых покрывал: нижнее с прорезью глаз, верхнее глухое, с росписью, как на гипсовых масках (рис. 4, 2). Наиболее сложные маски копируют те, что на трупах. По отпечаткам на тыльной стороне одной из масок (Терский) она вылеплена поверх тонкой кожи, закрывающей шелковые «наглазники» и «наротники», которые прикрывали имитации глаз и рта куклы (рис. 5, 1) (Вадецкая, 2009. С. 121, рис. 107, 108). Таким образом, во всех случаях соединялись два ритуала: сначала оживление трупа, чтобы мог дышать и видеть, а затем фиксация его смерти.

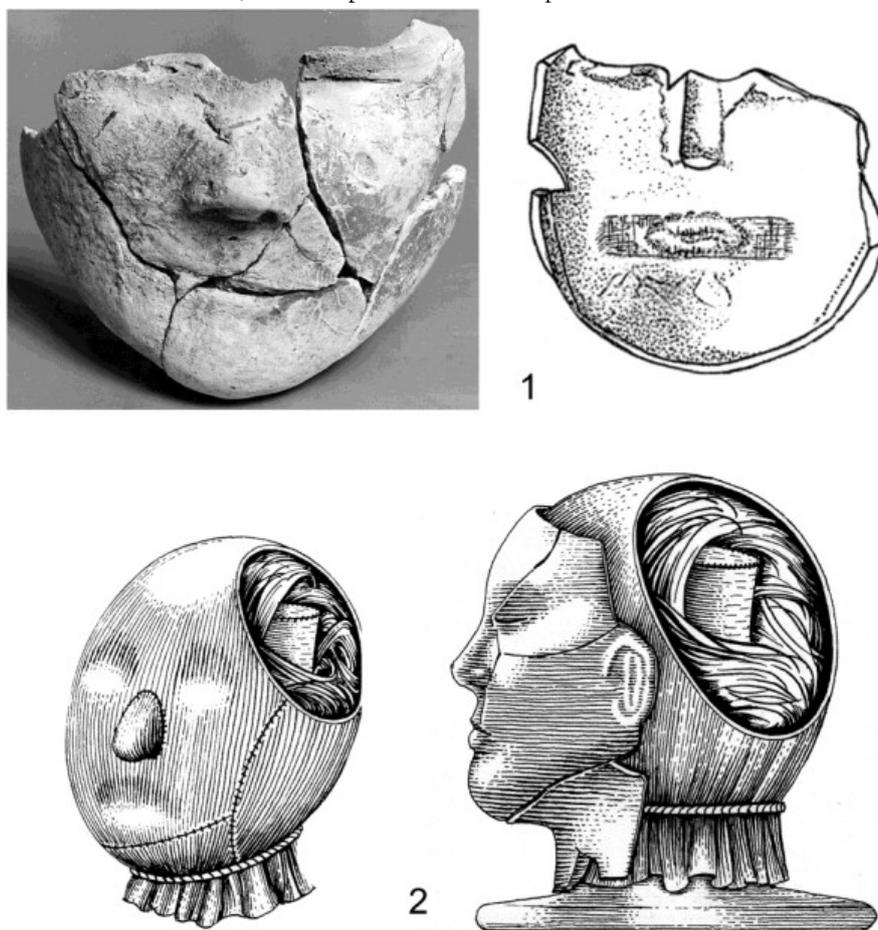

Рис. 5. Гипсовые маски на таштыкских куклах и бюстах: 1 — Терский, склеп № 4; 2 — Белый Яр III

Наибольшее число гипсовых масок найдено в таштыкских погребальных камерах V–VII вв., условно называемых «склепами». Их лепили на головах кукол, служивших часто бюстами, содержащими пепел кремированного конкретного покойника. Процедура подготовки мертвого к окончательному захоронению была схожа с тагарскими мумиями-куклами. Только не труп, а пепел кремированного человека временно куда-то прятали, а потом вытаскивали, ссыпали в кожаной мешочек или туюсок. То, либо другое обматывали травой, обшивали и как на болванке лепили маску (рис. 5, 2). Мягкая основа бюста (травы, кожи, береста) сгорала в камере, но гипсовая маска только покрывалась копотью. По ее отпечаткам с тыльной стороны (впадин от глаз и носа, обшивки кожи и швов) можно прочесть приблизительный вид лица куклы и из чего она спита. А в редких случаях видны отпечатки кусочков ткани на месте глаз и рта, таких же «наглазников» и «наротников», как на лице трупа и куклы. По-прежнему между реальной смертью человека, созданием его образа и окончательным признанием смерти проходило много времени. В результате обновлялась не только роспись масок. Их даже иногда реставрировали новыми кусками гипса (Вадецкая, Гавриленко, 2002. С. 224).

Подведем некоторые итоги. Желание древних людей после смерти оказаться со своими близкими, видимо, универсально. Среди различных обстоятельств, не позволяющих сразу после смерти произвести погребение на родовом кладбище, была сложность рыть могилы в зимние время. В Сибири это явилось причиной временных захоронений с последующими погребениями в коллективных могилах, для которых стремились сохранить, прежде всего, голову, в которую, по верованиям многих народов, была заключена душа покойника.

По одной из версий большие коллективные могилы в тагарскую эпоху возникли с целью расширения мест под пастбища (Вадецкая, 1986. С. 86–87). Их создание не противоречило мировоззрению, но требовались годы, чтобы собрать покойников для общего захоронения, и особые ритуалы, объясняющие временное «оживление» мертвого. Обычай закрывать чем-либо лицо покойника, включая маски, широко распространен. Так констатировали смерть, одновременно ограждая живых от вредного воздействия мертвых (Вадецкая, 1998). Более редкий обычай изготавливать изображение мертвого, которому оказывали несколько лет разные почести, а потом прятали или уничтожали, был особенностью народов Сибири, Китая, Средней Азии, Дальнего Востока. В этих так называемых «куклах мертвого» предполагалась душа умершего, которой, тем самым, продлевали жизнь (Вадецкая, 2005). У тагарского населения куклы означали не символ покойника, как воспринимали позже, а самого покойника. Их можно рассматривать как прототипы «кукол мертвого».

- Боковенко Н. А., Красищенко С. В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелiorации Южной Сибири. А., 1988.
- Вадецкая, 1980 – Вадецкая Э. Б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. А., 1986.
- Вадецкая Э. Б. Исследование коллективных могил поздне-тагарского времени в верховьях реки Чулым (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // АВ. СПб., 1995. № 4.
- Вадецкая Э. Б. Лицевые покрытия под таштыкскими масками // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Вадецкая Э. Б. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования) // АВ. СПб., 2004. № 11.
- Вадецкая Э. Б. Древние енисейские мумии и погребальные куклы в свете сибирской этнографии // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2005.
- Вадецкая Э. Б. Типы енисейских мумий (по мультидисциплинарным исследованиям) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2.
- Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. Красноярск, 2009.
- Вадецкая Э. Б. Погребальный обряд афанасьевской культуры Енисея // Свод памятников афанасьевской культуры (совм. с А. В. Поляковым и Н. Ф. Степановой). Барнаул, 2014. Гл. 5.
- Вадецкая Э. Б., Гауриленко А. С. Технология масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию рождения М. П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. 2.
- Вадецкая Э. Б., Гауриленко А. С. Технология и роспись масок енисейских мумий // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. Вып. 3(27).
- Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б. Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188: Археологические исследования на новостройках.
- Вадецкая Э. Б., Поселенин А. П. Реконструкция кукол-мумий из кургана Белый Яр VI под Абаканом // Научное обозрение Саяно-Алтая. Тюмень, 2011.
- Вадецкая Э. Б., Протасов В. А. Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 4.
- Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. А., 1999.
- Грязнов М. П., Колмарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пишеницына М. Н. Могильник Кюргенер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб., 2010.
- Ефимов В. Г., Паульс Е. А. К методике исследования поздне-тагарских склепов из работ среднеенсейской экспедиции на Означенской оросительной системе // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
- Кузьмин Н. Ю. К вопросу о формировании раннетисинских культурных традиций // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
- Курочкин Г. Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелiorации Южной Сибири. А., 1988.
- Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде Окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальные обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Сб. ст. СПб., 2017. (Гр. ИИМК РАН; Т. 47).
- Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. А., 1978.